

Полли Хорват

Ночной
Сад

Полли Хорват

Ночной сад

Серия «Фэнтези для подростков»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51871018

Ночной сад : роман / Полли Хорват ; [перевод с английского М. Скляр].:

Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-108960-3

Аннотация

В жизни девочки Франни вдруг началась загадочная полоса. На их ферму заглянуло НЛО, потом залетело привидение, в лесу поселился таинственный отшельник, которого спасла русалка, — без шуток, именно так отшельник и говорит, а Сина, которая заботится о Франни, неожиданно купила радиоприемник и принялась слушать радио с утра до вечера, хотя всегда над такими людьми посмеивалась.

При чем тут Ночной сад — сад, цветы в котором распускаются только ночью? А притом, что, по слухам, этот сад исполняет любое желание — одно-единственное, но с самыми непредсказуемыми результатами...

Содержание

Предыстория вкратце	5
Ревунья Элис	15
Сина рассказывает	26
Они приезжают	31
Мэддены обживаютя	38
Конвергенция НЛО, кухарки и первых таинственных писем	45
Человек из Космического института	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Полли Хорват

Ночной сад

*Для Арни, Эмили и Джона, Ребекки, Эндрю и
Зайды*

Polly Horvath
The Night Garden

Text Copyright © 2017 by Polly Horvath

Cover illustration by Kenard Pak

Jacket design by Kristie Radwilowicz

Published by arrangement with Farrar Straus Giroux Books
for Young Readers, an imprint of Macmillan Publishing Group,
LLC.

All rights reserved.

© Скляр М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2020

Предыстория вкратце

Это история об Винифред, Вилфреде и Зебедии, о Ревунье Элис, о Летуне Бобе. Отчасти это также история Томасины и Старого Тома. Лишь на толику это моя история, но зато рассказывать её буду я. Меня зовут Франни, и я живу с Томасиной и Старым Томом из-за ряда недоразумений, связанных с их соседями. Старый Том всегда зовет Томасину Томасиной. А я всегда обращаюсь к ней «Сина», потому что в детстве мне было сложно выговорить имя «Томасина». Когда я была совсем крошкой, меня должна была удочерить семья, жившая по соседству с Синой и Старым Томом, но в ночь перед тем, как этому случиться, дом соседей сгорел дотла – и они вместе с ним. Уведомить об этом агентство никто не удосужился. Сотрудница, занимавшаяся мною, постучала в дверь Сины и Старого Тома, Сина открыла, и женщина сказала:

– Я должна была поместить этого ребенка в соседний дом, но, похоже, соседнего дома вовсе и нет.

Сина высунула голову из двери и увидела дым. Дымящийся обугленный остов дома наших соседей стоял намного южнее нашего по пустынной сельской дороге, идущей по взморью, но через изгиб нашей восточной бухты можно было увидеть то, что осталось от дома. Дым клубами стелился по воде, и, глядя на него, Сина сказала:

– И вправду нет.

Старый Том вышел в холл и сказал:

– Так вот из-за чего ночью поднялся тарарам!

– Вы не могли бы поддержать ребенка? – попросила сотрудница агентства, протягивая меня Старому Тому. – Кажется, мне нехорошо.

Старый Том передал меня Сине.

– Я предпочитаю держаться от младенцев подальше, если позволите, – заметил он. – Не то чтобы я их не люблю – просто не знаю, что с ними делать.

И пока Сина держала меня, а Старый Том стоял и смотрел, сотрудница агентства умерла от сердечного приступа прямо на пороге дома.

– Батюшки! – сказала Сина.

– Думается мне, нам придется её взять, – заметил Старый Том, подразумевая меня, а не сотрудницу агентства. Он встал на колени, чтобы понять, нуждается ли женщина в сердечно-лёгочной реанимации. Она была мертвее мертвого, но он всё равно попытался. – Бывает ясно, что толку ноль. Но если ты приверженец Церкви невозможных дел, ты всё равно должен попытаться.

Такой церкви нет. Это просто у Старого Тома такая сказка. Она у него не сходит с языка. Быть может, у него в голове тянется целая литания невозможных дел. А может, и крестный ход священнослужителей. Кто знает? Или, возможно, он просто так посмеивается над собой. Ехидная

оценка собственной персоны.

– Мы назовем её Франни, – заявила Сина.

– Франческа, – поддакнул Старый Том. – Благородное имя.

– Нет, – возразила Сина. – Франни. Без полного имени. Ручаюсь, она вырастет серьёзной, прагматичной и здраво-мыслящей особой. Просто нутром чувствую.

Старый Том никогда не спорил с Сининым нутром.

– Вряд ли у соседей уцелело что-то из детских вещей, – сказала Сина задумчиво, глядя на дымящиеся руины.

Потом Старый Том вызвал «Скорую» забрать тело. Когда врачи «Скорой» уехали, Старый Том и Сина со мной на руках отправились к дымящимся руинам, и, подойдя поближе с разных сторон, убедились, что детские вещи не уцелели.

С точки зрения агентства по усыновлению, передача состоялась. С точки зрения врачей «Скорой», тело сотрудницы агентства было теперь их головной болью. С точки зрения Сины и Старого Тома, агентство по усыновлению, которое было настолько некомпетентным, что не могло уследить за собственными операциями, не заслуживало второго шанса со мной. И если уж волей случая я попала в их руки, я теперь их забота.

– Том, поезжай в Викторию, купи подгузники, детскую мебель, бутылочки, смесь и что сам сочтешь нужным. А я возьму Франни и покажу ей дом.

Сина показала мне первый этаж: большую гостиную, биб-

лиотеку, кухню, столовую и гостиную с большими каминами, солярий с примыкающей к нему оранжереей – она входила в сферу влияния Старого Тома, хотя и принадлежала к дому, который являлся сферой влияния Сины. Затем мы поднялись наверх, на второй этаж с четырьмя спальнями. Две выходят окнами на юг, к морю. Они принадлежат Сине и Старому Тому.

Хотя они и женаты, было бы вполне простительно принять их за дальних кузенов или ещё какую родню, потому что каждый большую часть времени живет в своём мирке, а Старый Том ниже Сины на фут, что несколько странно для мужа и жены. Допустим, нельзя выбрать, кому быть какого роста. Но, казалось бы, присматриваясь к будущему супругу, можно подобрать кого-то примерно своего роста, чтоб хотя бы целоваться было удобно. В крайнем случае, чтобы мужчина был на фут выше женщины. По-моему, если наоборот, это очень необычно. Однако Сина выше большинства женщин, а Старый Том чуток покороче большинства мужчин, но в обоих случаях ничего из ряда вон выходящего. А вдобавок у Сины все мысли крутятся вокруг её скульптур, а у Тома – вокруг его сада, и бывает, они сидят лицом к лицу за маленьким столом на кухне, куда забредают ранним вечером попить чаю, и едва замечают друг друга. Я захожу, а они медитативно жуют печенье и мрачно смотрят в окно, а когда я поздороваюсь, оба повернутся и скажут «Привет, Франни!» – и тут заметят друг друга и аж подскочат. Я-то

привыкла, но посторонним это может показаться странным.

Ну да ладно. Моя спальня выходит своим одним окном на задний двор, отсюда мне видно краешек океана у изгиба, забирающего к Бичи-Хед. Тут я смотрю закаты. А ещё есть одна пустующая спальня на втором этаже, а этажом выше – шесть комнатушек для прислуги (без прислуги) и чердак (он же склад). Не дом, а просто викторианский свадебный торт!

А ещё туалетная комната на втором этаже – с ванной на когтистых лапах. И туалетная комната с обычной ванной на третьем этаже. Но ни одного туалета. Это потому, что дом викторианский и водопровод был проведен недавно, но Сина и Старый Том так и не провели электричество и не установили туалеты. Как-то я спросила об этом Старого Тома, и он сказал, что когда кутерьма с водопроводом и столпотворение – рабочие, рабочие, рабочие по всему дому! – наконец закончились, им не хватило духу начать сызнова. Я очень их понимаю. Жизнь мы всегда вели дивно тихую, нас не тревожили ни родственники, ни друзья, ни гости. Нашествие водопроводчиков, несомненно, было ужасным, однако всё это случилось ещё до моего появления. Сина сказала, что и слава богу, потому как, после того как появилась я, вся её жизнь на время закрутилась вокруг подгузников.

Наконец, на самом верху – купол с широкими окнами на все четыре стороны, который так и оставался бесхозным, пока не стал моим. Позади дома – студия Сины, где она трудится день-деньской. Старый Том трудится в садах и на фер-

ме. Ну и конечно, нужно ухаживать за животными – в этом мы все помогаем. Двадцать кур породы леггорн, две рабочие лошади, пять джерсейских коров и бык. Свиньи приходят и уходят, а значит, не стоит к ним привязываться. Свиньи очень умные. Некоторые даже говорят, они умнее собак, и, давайте начистоту, никто не хочет, чтобы с тарелки на него смотрел развитой ум. Старого Тома это, кажется, не особо беспокоит, но кто его разберёт. Но он такой человек – держит свои переживания в себе.

Из всех комнат дома, кроме дополнительной спальни и четырех комнат для прислуги, видно океан. Имение находится в Соуке, в прибрежной части острова Ванкувер в Британской Колумбии, называется оно «ферма Восточный Соук». От нас недалеко до Виктории, столицы Британской Колумбии, и если нам нужно в город, мы едем в Викторию, впрочем, это бывает не часто.

Со своего купола через телескоп я вижу китов: косаток и горбачей, а изредка одинокого серого кита, если тот отбил-ся от друзей во время миграции к западному побережью Северной Америки, по ошибке завернув в пролив Хуан-де-Фука и пропахав по нему на север. Но чаще всего всё, что ты видишь, – это фонтанчик брызг из дыхала. Серые киты долго-долго могут оставаться под водой. А ещё я вижу выдр, морских котиков и львов, пум, медведей, орлов, соколов, кроликов, кротов, белок и изредка неопознаваемых тварей. Раньше можно было видеть и волков. А теперь почти нико-

гда.

Старый Том рассказывал, как они когда-то нанимали де-вушку, чтобы та помогала со свиньями и доила коров, и вот однажды она вошла в дом и давай восхищаться, какие слав-ные собаки появились вдруг и проводили её до маслобойни. А когда Старый Том сказал ей, что это были за собачки, она хлопнулась в обморок. «Как же глупо!» – сказала я Старому Тому. Нет, ну правда, ничего же не изменилось с того мо-мента, как она с ними возилась. Вот отличный пример того, что наш опыт базируется вовсе не на фактах, а на том, что мы охотнее принимаем на веру. Ей случилось повстречаться со славными добродушными животными, но опыт этот ни-как не вязался с тем, что она знала о Красной Шапочке. Хоть волков сейчас не часто увидишь, но иногда их можно услы-шать. Ну, во всяком случае, мы со Старым Томом их слы-шим. Сина говорит, что это собаки, однако она не всегда пра-ва, хотя и склонна думать, что всегда – этим и я, и, уверена, Старый Том, и все мы грешим.

Пока Сина показывала мне дом, Старый Том уехал за всем необходимым для меня. Он не знал точно, что подразумева-ло это «всё», и поэтому выбрал самую с виду заботливую те-тушку на Дуглас-стрит в Виктории, и они вдвоём сооруди-ли надлежащее приданое. А одна напористая дама затащила его в «Итонс», единственный универсальный магазин в Вик-тории, и указала, что ему следует докупить. Она даже само-лично выбрала колыбель, не дав ему и слова сказать. Как го-

ворит Старый Том, повсюду найдётся хотя бы одна властная женщина. Но Старый Том и не думал возражать: всё, что он хотел – это поскорее вернуться к своим садам.

Затем, вернувшись домой и предоставив Сине обустроить детскую, он понёс меня осматривать сады, разбитые вдоль границ пастбищ и за их пределами. Я, пожалуй, ещё не доросла до того, чтобы отдать им должное, но уверена, что сладко спала под убаюкивающий звук его голоса. Голос у Старого Тома сиплый, но это, как ни странно, очень успокаивает. Это голос, который выветрился и загрубел от времени. Он такой же умиротворяющий, как старое лоскутное одеяло или валуны у океана, на которых так удобно сидеть, потому что их весь день и всю ночь шлифуют волны. Он показал мне Английский сад и Аптекарский огород. Он показал мне Итальянский сад и Сад скульптур. Он показал мне огород и Яблоневый сад. Он показал мне Сад диких цветов и Сад экзотических растений. Он показал мне Японский сад и Сад гелиотроповых кустарников. Но Ночной сад он мне не показал. Ночной сад Старый Том держал закрытым на ключ.

Затем он прошёл со мной по каменистой тропе и показал мне все бухточки и пляжи. У Старого Тома была лодка, в которой он выходил порыбачить, когда океан не зыбило. Она стояла на якоре у небольшого причала на подветренной стороне одной из бухт. На старых крутых ступенях, поднимающихся от пляжа к лугу, тянущемуся до дома, он меня чуть не уронил. И в тот миг он вдруг осознал, что они имеют дело с

абсолютно новым человеческим существом, и бремя ответственности, как он говорил, показалось тяжким. Об этом он сказал и Сине, когда вошёл через заднюю дверь.

– Нужно браться за то, что посылает нам жизнь, а иначе мы – ничтожные насекомые.

У Сины были твёрдые убеждения, и она не любила полутонов. Старый Том больше был склонен ценить оттенки серого в мирских делах. Но клянусь, я помню этот подъём от океана, ощущение, что меня держат, а я вижу обнажённое сияние неба, кружащих орлов и одиноко летящую цаплю. Меня переполняло счастье, настолько широкое, что начиная от меня и до самого неба, до окоема суши, воды и полей у него не было границ. «Я дома, – мелькнула у меня счастливая мысль. – Я настолько дома, насколько возможно среди этой земной жизни». А Сина и Старый Том только дивились, что я мало плачу и капризничаю – но кто мог быть счастливее меня, взрослеющей среди этого света и изменчивого неба и жизни, и я была частью всего этого.

В первый же вечер я отужинала с ними в столовой, усаженная в детский стульчик, купленный Томом, и потом мирно спала этой и другими ночами. Сина говорила, что первые несколько месяцев моей жизни в их доме она не раз ловила себя на том, что заговаривает со стеной – ей необходимо было поделиться значимостью происходящего, а Том был вечно в саду. И каждый вечер после ужина она устраивалась в кресле-качалке, стоящем на лестничной площадке второго

этажа, где было панорамное окно от пола до потолка с видом на море. Она всё раскачивалась и всё смотрела на горизонт, где прекращалось море и начиналось небо. Она говорила, что и раньше часто качалась в этом кресле, но с ребёнком всё было по-другому. Будто бы этот живой комочек одновременно прижимал, придавливал к земле и в то же время тянул за нить в огромное туманное будущее.

В первый вечер, пока она сидела и раскачивалась, Старый Том пошёл в огород, как он часто делал после ужина.

– Ты ведь не против? Взять ребёнка? – спросила она его из окна.

– А это бы что-то изменило, если б я был против? – откликнулся он, повернув голову.

– Пожалуй, нет, – сказала она самой себе. – Как бы там ни было, теперь для нас, Франни – для тебя, и для меня, и для Старого Тома, – все переменялось. Но в этом-то и суть жизни. Погляди, солнце уходит за край моря. Этот день никогда не повторится. Напоминай себе об этом каждое утро и каждый вечер, и ты не будешь ожидать того, чего нет. А именно ожидание того, чего и нет вовсе, делает людей несчастными.

Не знаю, услышала ли я её в тот первый вечер, но так как она повторяла эту закатную речь не раз и не два, впоследствии я слышала её достаточно часто, чтобы запомнить.

А потом я выросла. По крайней мере до двенадцати лет – а это, на мой вкус, вполне взрослый возраст, и тогда на сцене появилась Ревунья Элис, и всё снова переменялось.

Ревунья Элис

Когда всё завертелось, я сидела наверху в своём куполе и корпела над историей фермы. Завтра был последний в обозримом будущем учебный день в школе – ведь её крыша грозила рухнуть. Найти надёжную бригаду, чтобы починить крышу, было непросто. Шел 1945 год, и казалось, весь мир воевал; практически все наши дееспособные мужчины, обычно выполнявшие подобные поручения, были отосланы за море, и ремонт должен был затянуться вдвое против срока, который потребовался бы в мирное время. И это ещё один повод ненавидеть нацистов, провозгласил наш директор.

Разместить нас на время реконструкции было негде, и поэтому было решено, что мы уйдем на летние каникулы весной, а летом, когда крыша будет починена, пойдём в школу. Руководство пыталось держать лицо и говорило о «специальных весенних каникулах», однако слова никого не обманули. Нас лишали лета, а для семей, в которых дети должны были помогать в заготовке сена, это был тяжелый удар. Однако это означало, что у меня будет несколько недель, чтобы с головой уйти в сочинительство. Я много успевала написать за время каникул, и особенно летних. А во время учебного года – совсем немного, поскольку наша школа находилась довольно далеко от фермы. Чтобы добраться туда, я выходила

рано утром. Мне нужно было пройти нашими полями до Бечер-Бэй-роуд, а по этой дороге уже до самой Ист-Соук-роуд, где я садилась в школьный автобус, совершавший свой долгий маршрут до школы. Затем уроки в самой школе, которые я всегда любила, а после долгий путь обратно, и пока я добиралась домой, творческие силы, необходимые для работы, уже иссякали.

Когда Старый Том узнал, что я писатель, он купил мне в антикварной лавке в Виктории роскошное бюро и устроил так, чтобы его доставили и подняли в купол втайне от меня. В бюро были потайные ящички! А ещё он нашёл для меня пишущую машинку и не забывал пополнять мой запас бумаги. Дарительницей подарков я всегда полагала Сину, но лучшие подарки из всех, что я получала, были от Старого Тома; хотя он не часто дарит мне что-то и не говорит особых слов, он каким-то образом знает, что я собой представляю и чего хочу. Как-то раз я упомянула о постере в кабинете врача. Он назывался «Земля воображения» и никак не шёл у меня из головы. Там на таинственном чёрном фоне было множество фигурок сказочных персонажей – куда ни глянь, чары и волшебство, – и вот через пару недель, скрывая распирающую его гордость, Старый Том принёс домой вставленный в рамку постер и повесил его в моей комнате.

Иногда я разглядываю его в поисках вдохновения. Но тем вечером после школы и после ужина я была уставшая и сидела за столом и просто смотрела в темноту за окном. Из ку-

пола видно невероятное множество звёзд.

Я думала, не вытащить ли историю о русалке, которую я как раз писала, но как-то бестолково. Как и другие мои рассказы, она достигла той точки, когда я просто кладу написанное в нижний ящик и забрасываю. Когда такое происходило, я бралась за историю фермы: это проще художественной литературы: здесь есть что-то конкретное, от чего можно оттолкнуться. А вымысел начинается из ничего. Нет, не из ничего – из чего-то, что тебе нужно из аморфного, смутно ощущаемого состояния претворить в читаемое слово.

И на самой ферме, похоже, были места не менее загадочные, чем подаренный Старым Томом постер. Даже не понять отчего. Отчего один участок земли кажется живым, дышащим чем-то потаённым – возможностью, становлением, разумной энергией? Были на нашем скалистом побережье петроглифы, оставленные людьми, которые жили здесь тысячи лет назад. Были люди, поколениями владевшие землей, такие как миссис Браун, у которой было пятеро детей и которая была вынуждена лоскут за лоскутом продавать обширные наделы различным покупателям, чтобы выплачивать налоги и сохранить за собой небольшой кусок земли с домом. Домом, теперь принадлежащим Сине, Старому Тому и мне. Мужчина, купивший большую часть земельных наделов, под конец убедил миссис Браун продать и ту малость, которую она ещё держала, а затем, увы, и сам дом – и превратил ферму в летнюю резиденцию. Он устроил теннисный корт,

давно исчезнувший без следа, перепаханный под картофельное поле моей двоюродной бабушкой Бертой, которая купила его имение и наделы, проданные миссис Браун другим людям, и вновь собрала все 270 акров. Покойная тетушка Берта оставила всё Старому Тому. Она рассказывала Старому Тому, как дачники-теннисисты устраивали фантастические вечеринки с японскими фонариками, дамами в белоснежных платьях и важными шишками – вся эта роскошь истаяла, но в воздухе осталась память о ней, как и обо всём прочем: о людях, живших здесь тысячи лет назад, печалях миссис Браун, причудах тетушки Берты; тетушка, по рассказам Старого Тома, была поперёк себя шире и величественна в гнев. Он говорил, что когда она, пыхтя, передвигалась по ферме, так и кипя от возмущения, то походила на небольшой, приземистый дом на колесах. Я не знаю, обретает ли земля свой характер благодаря живущим на ней людям, или сами люди впитывают что-то из земли. Мне были интересны любые истории, и при любой возможности я собирала фрагменты и обрывки воспоминаний, расспрашивая старожилов в Соуке, да и всех, кого встречала. Но никто почти ничего не помнил. И какими бы интересными ни были эти отрывочные истории, ни одна не объясняла того, что я здесь чувствовала, того, о чём словно бы повествовала сама земля.

В общем, я была не прочь работать с историей, если вымысел не выдумывался. Я полагала важным продолжать писать во что бы то ни стало. Писательство всегда поднимало

мне настроение. Словно вокруг меня была некая энергия, которую я могла впитать, и она текла через меня, изливаясь из моих пальцев на бумагу, уже не чистой идеей, уже не мной самой, а чем-то новым. Пока что ничто, из написанного мною на бумаге, не передавало даже отсвета этого волшебства. Но надежда, что однажды всё получится, не давала мне отступиться.

В тот именно вечер я бесцельно стучала по клавишам пишущей машинки, жалея, что не знаю историй из частной жизни миссис Браун и её детей, и размышляя, не выдумать парочку самой, когда снизу донеслись отзвуки какого-то переполоха: мой купол был далеко от первого этажа, и слов разобрать я не могла. Я попыталась разглядеть, чья машина стоит перед домом, но было слишком темно.

Когда за гостем хлопнула чёрная дверь, я снова выглянула в окно и сообразила, что, видимо, он пришёл пешком: звука заводящегося мотора не было, а в поле поблескивал удаляющийся луч фонарика. Очевидно, это был кто-то из наших рассеянных в пространстве соседей. Когда посетитель добрался до Бечер-Бэй-роуд и стало ясно, что сегодня он не вернётся и мне не придётся вести беседы, я спустилась вниз, и Сина рассказала мне, что произошло.

В наш дом ворвалась миссис Мэдден, также известная как Ревунья Элис.

– Здорово, миссис Вайткрафт! – услышала Сина, дверь открылась, и незваная гостья влетела в холл. – Миссис Вайт-

крафт? Знаю, мы с вами не особо сошлись. Да и близко не познакомились. И вот вы мне нужны. Вы нужны мне, миссис Вайткрафт! Томасина! – И Элис разрыдалась. Плакать она умела.

Мы с Синой окрестили её Ревуньей Элис после того, как как-то раз сверили списки мест, где нам доводилось видеть её в слезах.

Мы видели, как она плакала на родительском собрании, причем без особого повода. Я мало что знаю о её детях, все они учатся в других параллелях, но они производят впечатление примерных граждан, неплохих учеников и добропорядочных людей, как сказал бы Старый Том. Нет никаких причин плакать.

Мы видели, как она плакала, когда у «Брукмана» закончились яйца. Лавка Брукмана на окраине Соука – ближайший магазин для рассеянных по окрестным землям жителей, а значит, главный круговорот местной жизни. По субботам мы сдаём туда яйца и молоко, а по утрам там собираются дамы, чтобы поболтать.

Мы видели, как Элис плакала на школьных рождественских концертах.

– Ладно уж, – смущённо закашлялась Сина, когда мы добрались до этого пункта. – С кем не бывает.

Сина питает слабость к картаво исполненным рождественским гимнам.

Элис не просто часто плакала – она плакала в ситуациях,

когда нормальные люди вполне в состоянии держать себя в руках. Она плакала, заляпав платье грязью. Она плакала, когда у неё спускало колесо. Она плакала, увидев у Брукмана новорождённых котят. Она плакала, провожая детей в школу в первый день осеннего семестра. А однажды мы со Старым Томом видели, как она плакала, пока её машину заправляли бензином. Мы тихо сидели в нашем грузовике и смотрели как заморожённые, пока она не отъехала.

– На редкость несчастливая дама, – заметил Старый Том.

Когда Сина рассказала дамам у «Брукмана», что мы окрестили Элис Мэдден Ревуньей Элис, все это одобрили. Нам рассказали, что её муж работает в Комоксе, где занимается техническим обслуживанием особого самолёта канадских военно-воздушных сил «Арго», и именуется он себя «Чинила Боб», так что прозвище «Ревунья Элис» случайно оказалось в тему. Я опробовала: Старый Том и Высокая Элис, оба прилагательных из трех слогов: звучало как-то не так.

Как бы там ни было, Ревунья Элис, рыдая, влетела в дом, когда Сина писала своё тридцать седьмое письмо Уильяму Лайону Макензи Кингу, премьер-министру Канады, умоляя его на благо страны отрастить усы как у его предшественника, Роберта Бордена. «Он был такой пикантный мужчина, – писала она. – А у вас такое детское лицо. Мне кажется, нас бы начали принимать всерьёз в международных окружностях...» Это ли слово она искала? Были ли в международной политике окружности? А, ладно, пускай он сам разби-

рается. Это в его компетенции – он же премьер-министр, в конце концов.

Мне кажется, все государственные деятели, к которым прислушивается общественность, носят усы. Посмотрите на Гитлера. Посмотрите на Муссолини. Посмотрите на Франко. Все с усами! Я не говорю, что Вы должны уподобиться этим людям. Я просто говорю, что Канаде давно пора взяться за ум и показать себя, в международном смысле, и я опасаясь, что с безусым премьер-министром это невозможно. Вы не были моим кандидатом на пост премьер-министра. Ваша партия, если хотите знать моё мнение, обмишурилась. Однако теперь Вы мой премьер-министр, и мне нужно с этим смириться. Вы, очевидно, считаете, что внешность не важна, и я хочу Вам сказать, что Вы не правы, и дать Вам дельный совет. Надеюсь, что Вы не поймёте меня превратно.

Искренне Ваша,
Томасина Вайткрафт.

P.S. Я убеждена, что даже избиратели, избравшие Вашу партию – к числу которых, напомним, я не принадлежу, – хотели бы, чтобы Вы сделали что-то со своим постным лицом.

Она повторяла последнюю фразу себе под нос, направляясь в холл, чтобы ответить на вопль у двери. Фраза звучала как-то не так, и она проговаривала её вслух, чтобы перефор-

мулировать:

– «Даже избиратели, избравшие Вашу партию...» Нет, нет, это же тавтология. «Даже граждане, голосовавшие за Вашу партию...» Но зачем тут «граждане»? «Я за Вас не голосовала, а если бы и голосовала...» Нет, это неверно, мы не голосуем напрямую за премьер-министра. И «постное лицо» – это, пожалуй, чересчур резко. Точно, но резко.

Она была так поглощена своими мыслями, что забыла, зачем подошла к парадной двери, и вовсе не заметила Ревунью Элис, стоящую в холле и заливающую пол слезами. Она прошла мимо неё и закрыла дверь.

– Господи, и почему никто не думает о сквозняках?! – спросила она и повернулась, чтобы идти обратно на кухню, где стояла её пишущая машинка.

– Миссис Вайткрафт! – воскликнула Ревунья Элис.

При звуке её голоса Сина обернулась и подскочила как ужаленная фута на четыре. К этому времени Элис рыдала уже навзрыд и была вынуждена прислониться к стене, оставляя на обоях трудно выводимые мокрые пятна, и поэтому Сина увидела только растрёпанный затылок и, думая о своём, поначалу решила, что в дом проскользнул большущий мокрый пёс, наследил и оставил подтёки на стенах. Затем она, конечно, опомнилась и даже почти вернулась с небес на землю, сообразив, что это человек. Всё дело в одежде, объяснила она мне позднее.

– Бог мой, вы взломщик? – спросила она. Затем она за-

метила, что часть подтёков на стене ведёт к сотрясаемому рыданиями телу вора. – Вы уже раскаиваетесь? Убирайтесь вон. Убирайтесь, и я не стану сообщать в полицию.

– Миссис Вайткрафт, я не взломщик, – проговорила Ревунья Элис. – Вы не слышали, как я звала? Вы меня не узнаете? Я ваша соседка.

Теперь-то Сина уж точно спустилась с небес на землю и сообразила, с кем имеет дело, что её нисколько не обрадовало.

– И о чём вы думали, вламываясь в чужой дом? Это, по-вашему, по-добрососедски? Убирайтесь! – Сина жаждала вернуться к недописанному письму. Она боялась потерять логическую нить. Ей и в голову не пришло, что дело серьёзное, раз Элис плачет. Элис же всегда плакала.

– Я хотела попросить вас о большом одолжении, – всхлипнула Элис.

– Мой ответ – нет, – ответила Сина. – Мы не можем допустить, чтобы люди врываются в чужие дома, внося беспорядок. Я пыталась написать письмо, а вы спутали все мои мысли.

– Вы должны мне помочь. Должны.

– Почему должна? – удивилась Сина.

– Потому что я боюсь, что мой муж наделает глупостей.

– Каких глупостей?

– Страшных глупостей. Нутром чую, – сказала Ревунья Элис и высморкалась.

– Ну, так и быть! – рявкнула Сина, которая всегда прислушивалась к нутряным чувствам. – Я уже вижу, что это расстроит мои планы на вечер, но проходите в кухню и выкладывайте, в чём дело.

Сина рассказывает

Когда Сина рассказала мне всё это, я спросила:

– Батюшки, и в чём же заключалось это большое одолжение?

– Я согласилась приютить детей Ревуны Элис Мэдден.

– Не может быть! – воскликнула я и взяла из банки два скаутских печенья¹. Мне показалось, что это дело как раз на два печенья.

– Ещё как может, – отозвалась Сина. – Ума не приложу почему. Кто угодно мог их приютить. Почему я?

– Наверное, в глубине души ты любишь маленьких детей, – предположила я, глядя на неё через стол и надкусывая первое печенье.

– Разве что очень в глубине, – заметила Сина.

– А может, это у тебя такой нервный тик? – Я разломилла печенье на кусочки, точно рассчитанные, чтобы питать мысль. Один кусочек – одна мысль, таков был план. – Взяла же ты меня.

– Это было двенадцать лет назад. И потом, ты совсем другое дело, – ответила Сина. – Я сразу поняла, что ты особенная. Такой, как ты, больше не будет. Но не жди, что я пушусь в пляс. Не дождёшься.

¹ Франни берет печенье от организации девочек-скаутов, деньги с продаж которого шли на благотворительность (прим. пер.).

– Спасибо, – сказала я. – И я не о плясе. Впрочем, и за это спасибо! Я про особенную...

– Не за что, – отмахнулась Сина. – В любом случае, сделанного не воротишь. Я сказала, что завтра после уроков она может привезти Винифред, Вилфреда и Зебедию и они проживут у нас, пока она будет в Комоксе.

– Ох, – сказала я. Это было ударом, но удар надо держать с высоко поднятой головой. – Ясно. Хорошо, что в доме есть все эти комнаты для прислуги – они могут жить на третьем этаже, и, наверное, мы даже сможем притвориться, что их тут нет. – Это я хитро заплела интригу, неявно намекнув, что чужие дети «конечно же» будут жить на третьем этаже, а не на втором, среди цивилизованных людей.

– Да, это хорошо, – Сина мгновенно уловила суть. – Хотя до сортира путь оттуда неблизкий. Три лестничных пролета...

– Чёрная лестница не так плоха, – уронила я. – Ступеньки крутые, зато вниз по зову природы можно слететь быстро. А в стратегических местах зажечь керосиновые лампы.

– Да они же споткнутся о них и спялят весь дом. Да, и одно из кресел-качалок лучше унести с площадки второго этажа. Обогнуть на бегу одно и не свернуть себе шею мальчишки, пожалуй, смогут, но два могут оказаться непреодолимой преградой. Мальчишки вечно на всё налетают. И выдадим-ка мы им фонарики.

– Да, всё должно хорошо получиться! Вот видишь, ника-

ких проблем, – с облегчением подытожила я, как только стало ясно, что Мэдденов от меня будет отделять целый этаж, а под купол, решила я, они не будут допущены ни при каких обстоятельствах. – Ну и насколько они останутся?

– В том-то и дело. Я толком не знаю. Это ведь Элис, сама понимаешь.

– Ох. Значит, больше слёз, чем слов?

– Вот именно, – подтвердила Сина. – Потоки слез и сетований. Похоже, она убеждена, что если немедленно не воссоединится с мужем на базе ВВС в Комоксе, он наделает глупостей.

– Каких глупостей?

– Кто же знает, каких глупостей может наделать авиатехник?

– Выпить очищающую жидкость? – предположила я. Мы с Синой обожали подобные разглагольствования.

– Заплести косы на швабрах? – предложила Сина.

– Может, это что-то, не связанное с работой, – сказала я. – Может, она опасается, что он пристрастился к тарантелле и, дай ему волю, перевезет всю семью в Италию.

– В Италию?

– Это её родина. Якобы танец воспроизводит движения человека, укушенного тарантулом.

– Ну Франни! Ума не приложу, откуда ты всё это знаешь! – воскликнула Сина.

– Я читаю.

– И всё же я подозреваю, что знает она больше, чем говорит. Она явно уверена, что её присутствие в Комоксе – это настоящая необходимость.

– Плохи дела! – вздохнула я. – Или она сама себя накручивает. Мы недостаточно близко её знаем, чтобы судить.

– Именно так я и решила. Я спросила, уж не думает ли она, что он планирует сбежать в Европу и присоединиться к Гитлеру, но она сказала, что нет.

– И она даже не намекнула, что, по её мнению, затеял муж?

– Она все отнекивалась.

– Вот нахалка! – возмутилась я.

– Да уж, – кивнула Сина. – Не в бровь, а в глаз. Прийти сюда, просить меня о большом одолжении, оставить мокрые пятна на новых обоях и не поделиться пикантными подробностями – это просто за рамками приличий и здравого смысла!

Мы обе принялись смотреть в окно, и я решила, что хорошие идеи у меня покамест закончились, и прикончила печенье в несколько укусов.

– Что ж, на попятный идти поздно. Пожалуй, я пойду спать, – решила Сина.

– Отличная идея, – согласилась я. И тут меня пронзила мысль. – Завтра последний учебный день перед специальными весенними каникулами. Ты же не думаешь, что она бросит их здесь на всю весну?

– Не знаю. Мне никто ничего не говорит, – в отчаянии воскликнула Сина и пошла наверх, бормоча: – Постный или одутловатый? Что менее обидно?

Перед тем как отправиться спать, я пошла в сортир и, сидя там в компании летучих мышей и насекомых, размышляла о том, что никто из нас не мог и представить, что этой весной на наших 270 акрах будут толочься чужие дети и как всё может перемениться в мгновение ока.

А затем я пошла обратно в дом. Где-то наверху я слышала сов, всегда неподалеку, всегда незримых; словно три монаха, они тянули свой спиритический хорал, загадочный возглас «кого, кого, кого», обращённый в ночь, в непостижимую тьму, вызывая к тому, к чему все мы вызываем, «кого, кого, кого, туда, туда, туда», упорядочивая Вселенную, настраивая мои струны, наводя сон.

Они приезжают

Мы на этой земле, чтобы страдать: на следующий день, когда я вернулась домой из школы, Элис привезла одиннадцатилетнюю Винифред, девятилетнего Вилфреда и шестилетнего Зебедию к нашему дому. Винифред и Вилфред были похожи. Оба голенастые, белобрысые, веснушчатые. Вилфред, хоть и младше, был выше Винифред и носил очки в роговой оправе, делающие его глаза большими, как у совы. В оправу постоянно падала его длинная чёлка. Длинные волосы Винифред были аккуратно забраны. Зебедия был мелкорослый и тёмненький, с оливковой кожей и чёрными вьющимися волосами – можно подумать, из другой семьи, настолько не похож он был на Винифред и Вилфреда. Каждый нёс по небольшому саквоюжу. Я присматривалась к сумкам, пытаясь по размеру определить, сколько же ребята пробудут у нас. Это оказалось непросто. Саквоюжи были среднего размера. Это могло означать, что Ревунья Элис любит всё предусмотреть и они у нас только на выходные (Боженька, пусть это будет так!), или она чрезвычайно непредусмотрительна и думает забросить их к нам на пару месяцев, а Сине придётся отправиться за покупками. Ну, или, возможно, дети ведут спартанский образ жизни и отрешаются от всего, что не является насущной необходимостью. В таком случае сортир во дворе не приведёт их в ужас. Ко мне приходили

поиграть девочки, и все явно полагали, что к 1945 году туалет со сливом должен быть в доме у всех и у каждого. Поскольку я выросла с уборной во дворе, мне она не казалась «чем-то средневековым», как заявила одна несостоявшаяся подруга.

И вот мы все выстроились в холле и пилились друг на друга.

Я заметила, что Сина очерилась точно такой же широкой фальшивой улыбкой, как и я.

– Ну, полно! – всхлипнула Ревунья Элис. – Винифред, встань ровно! Вилфред, не умирай! Зебедея, не сутулься! Ладно, дети. Я еду распекать вашего отца. Мне надо отговорить его от чего бы он там ни решил отчебучить. Будьте умницами. Постарайтесь кушать как следует. Я вернусь когда смогу. Миссис Вайткрафт, позвольте сказать, это очень сопредельно с вашей стороны.

– Сопредельно? – повторила Сина. – Ну что ж, вам я, безусловно, могу позволить так сказать.

– Ну, дети, давайте попрощаемся без слёз. – Ревунья Элис тотчас разразилась надрывными рыданиями, развернулась и едва не затопила двор, пока шла к машине. Пока машина не исчезла из виду, мы смотрели, как она жизнерадостно машет рукой из окна, склонив над рулем горестно подрагивающие плечи.

Я не могла не восхититься детьми, которые выглядели более или менее нормальными и равнодушными к пафосу мо-

мента, на что, говоря откровенно, мы не смели надеяться, учитывая, какой пример им подавала мать.

— Ну что ж, — проронила Сина. — Дело сделано. Ужин в шесть тридцать. — Она вернулась в кухню, предоставив мне, как мы и условились, показать им дом.

Дети пришли в восторг от крохотных комнат на третьем этаже. Мы вчетвером стояли в комнате Винифред.

— Они похожи на комнатки в кукольном доме! — воскликнула Винифред. — У меня впервые появилась своя комната, когда мы перебрались сюда с военной базы в Комоксе. А до этого мы жили на острове Принца Эдуарда, пока ВВС не перевели «Арго», страшно важный самолёт, который обслуживает папа, в Комокс.

— Да, знаю, — сказала я, не дав себе труда пояснить, с какой скоростью распространяется информация в нашем маленьком мирке. — Поэтому он Чинила Боб.

— Да, поэтому Чинила Боб. Но мать говорит, она устала от жизни на военных базах. Мы жили уже на трёх. Дома всегда малюсенькие, и некоторые недовольны тем, что мать так много плачет.

— Думаю, её можно звать Ревуньей Элис, — проговорила я нерешительно. — Ну, как Чинила Боб.

— Какая ты умница, — восхитилась Винифред, — сразу такое придумать.

Я хмыкнула и скромно опустила глаза, но ничего не возразила, поскольку лучше им это сразу оценить.

– Летун Боб, – выпалил Зебедея, который уже облазил все ящики комода, прополз под кроватью, влез в чулан и вообще осмотрел все углы комнаты. Он был весь в пыли, потому что ваяет Сина лучше, чем ведёт хозяйство.

– Вот так мы оказались в доме покойной тетушки Клэр, который в конце улицы, – сообщила Винифред. – Правда, Вилфред?

– Да, – кивнул Вилфред, который своей способностью говорить не больше, чем требовал момент, немного напоминал мне Старого Тома.

– В нём четыре спальни! – радостно затараторила Винифред. – И матушка сказала: баста! Это наш шанс жить в настоящем доме, и если папа будет упорствовать и нянчиться с «Арго», оставаясь на службе ВВС, вместо того чтобы выйти в отставку и устроиться на работу в Соуке – такую, что позволит нам остаться в этом дворце, который нам оставила тетя, – тогда она сама переселится туда с нами, и мы будем ждать, пока он не опомнится. А папа сказал, что он не возражает. Он будет жить на базе и навещать нас когда сможет. Папа обожает «Арго», правда, Вилфред?

– Да, – кивнул Вилфред.

– Это секретный шпионский разведывательный самолёт, который может лететь несколько дней без дозаправки.

– Он ещё снаряды сбрасывает, – отбрасывая челку, дополнил Вилфред – так равнодушно, словно он рассказывал о своей собаке, которая выполняет команды «сидеть» и

«умри».

– «Арго» ужасно важен, и папа не простой техник – он следит, чтобы всё работало и самолёт можно было поднять на воздух за секунды, если будет необходимость, – трещала Винифред.

– Какая необходимость? – спросила я.

– Военная, конечно же, – ответила Винифред.

– А, военная необходимость, – отозвалась я, думая про себя, как же это маловероятно.

Военные были на острове Ванкувер везде, артиллерию установили в стратегических точках по всему нашему побережью. С самого начала войны солдаты жили во временных бараках, построенных на нашей земле, которую мы передали для нужд фронта. Поначалу это было очень волнительно: подумать только, наши берега будут защищать прямо с нашей фермы! Но, несмотря на всеобщую бдительность, ничего особенного не происходило. Казалось, до острова Ванкувер война не дотянется, и меня это вполне устраивало. Наша соседка мисс Мэйси, у которой не было ни работы, ни семьи, любила совершать долгие прогулки по нашим землям, в основном вдоль берега, и заодно угощала солдат скаутским печеньем. Она рассказывала мне, что солдаты в основном сидят сиднем да играют в покер.

– Папа трудится по двенадцать часов каждый день, чтобы самолёт оставался на ходу, – говорила Винифред. – Мать говорит, на нас у него теперь нет времени. Что, мол, самолёт

он любит больше, чем нас.

— Ерунда, — бросил Вилфред. — Мать любит преувеличивать.

Зебедия за всё это время ни слова не вымолвил. Он залез под кровать, вылез обратно, приподнял матрас, чтобы осмотреть пружины кровати, и попытался вскарабкаться на высокий комод с приставленного к нему стула. Теперь он смотрел в окно.

— Что это там за сад? — спросил он.

Я подошла к нему.

— Садов у нас много. Какой ты имеешь в виду? — уточнила я.

— Тот, что за оградой с большущим замком.

— А, — проронила я. — Это Ночной сад.

— Почему ты называешь его Ночным садом?

— А ты выгляни из окна ночью, когда светит луна, вот и узнаешь, — ответила я.

— Вы его от оленей закрываете? — заинтересовался Вилфред.

— Нет, — сказала я.

— От медведей, что ли? — предположил Вилфред.

Теперь мы все смотрели на сад.

— Нет.

— Ну так от кого? — не выдержал Зебедия.

— Не знаю, — проговорила я. — Это Старый Том его запирает.

Но я знала, потому что Старый Том мне однажды рассказал. Но мне не хотелось повторять его объяснение, потому что звучало оно совершенно нелепо.

Мэддены обживаютя

Начался тот первый вечер неплохо. Я устроила для них небольшую экскурсию, показала курятник, загон для быка, коров. Затем повела посмотреть на рабочих лошадей. Я повернулась к Зебедии, собираясь накрепко втемашить ему, чтобы он ни за что не заходил в загон к быку или к лошадям. Лошади, Таг и Молли, были добрейшие, но очень крупные, и мало ли что могло произойти. А бык был просто злыдень. Но когда я повернулась, Зебедии и след простыл; после долгих розысков мы нашли его на ограде, окружающей Ночной сад: он залез на неё и смотрел внутрь.

– Ты слышал, что я сказала про загон для быка и про лошадей?

– Почему он огорожен забором? В нём же нет животных, – брякнул Зебедия.

– Я же сказала, что не знаю. Бога ради, не суй сюда свой нос! У нас двести семьдесят акров, исследуй сколько хочешь, а ты прикипел к единственному месту, которое заперто. – Но конечно, я понимала, что в том-то и дело, что это было единственное запертое место.

– Ты сама-то ухаживаешь за животными? – спросила Винифред.

– Да. Ну, то есть я помогаю. Животными в основном занимается Старый Том, а дойкой Сина. Я собираю и просве-

чиваю яйца и помогаю Сине отвозить их и молоко к «Брукману».

– Кто это? – Винифред указала на согбенный силуэт человека, который пересёк одно из наших полей и перешёл через проложенную военными дорогу, ведущую через лес к точке на побережье, где была установлена артиллерия. Думаю, пушки были расставлены стратегически, чтобы стрелять по проплывающим мимо подводным лодкам или чему-то подобному, однако мы не видели ни одной подлодки. Но это общеизвестный факт, что воды вокруг острова Ванкувер просто кишат ими: вряд ли гитлеровскими подлодками – они далеко, хотя кто знает? – но русскими, японскими, американскими точно. Не знаю уж, чем они занимались, кажется, просто кружили вокруг острова, но о военных делах нам многого не рассказывали.

– Это отшельник, – объяснила я. – Сина со Старым Томом разрешили ему построить хижину в лесу на нашей земле, немного южнее вдоль берега. Наверное, он ходил на маслобойню за коробкой с консервами, которую Старый Том оставляет для него раз в неделю.

– А у вас тут много совсем постороннего народу живёт, – сказала Винифред.

– Пожалуй, – протянула я задумчиво. Заметить, что в их число входят и они сами, было бы бестактно.

– Я хочу поглядеть на солдат, – заявил Зебедия и рванул к проложенной военными дороге.

– Эй, вернись! – заорала я.

Мы помчались вдогонку, и Вилфред, вытянув руку, схватил Зебедию за шиворот и потянул его назад, словно собаку на поводке.

– Ну-ка, не дури! Ты же потеряешься! – рявкнула Винифред.

– Он никогда не теряется, – проговорил Вилфред.

– Вообще-то это правда, – согласилась Винифред. – Но всё равно неприлично убегать без спросу на чужой земле.

Зебедия не протестовал. Могу предположить, что он привык к тому, что его дергают за шиворот, а спрашивать разрешения было не в его правилах.

Потом я показала им все пляжи и бухты, а затем вдруг Сина зазвонила в колокол, созывая к обеду. Его повесили много лет назад, так как мы со Старым Томом могли быть в любом конце фермы и Сине надоело звать нас до хрипоты.

Мы сидели за столом на кухне и ели приготовленное Синой рагу с тунцом – одно из шести блюд, которые она умеет готовить. У неё ограниченный, но вкусный репертуар. Сина тревожно бегала глазами по лицам ребят – позднее, когда мы вдвоём мыли посуду, а Мэддены принимали ванну, она объяснила, что каждую минуту ждала, что кто-нибудь ударится в слёзы.

– И натура, и привычка, знаешь ли, – заметила она, – как ни вертись, никуда не денешься – хоть один, но должен был подхватить эту заразу. Меланхолический невроз.

– Нет, они производят впечатление разумных человеческих существ, – возразила я. – Зебедия только удержу не знает.

– Все маленькие мальчики неугомонны, – сказала Сина. – Ну, если, конечно, им хватает еды и нормальной мальчишеской энергии. Подозреваю, что все несчастные голодающие мальчишки в раздираемой войнами Европе растеряли свою егозливість – и как же это грустно. Но накорми их как следует – и вся энергия идёт на что? Правильно: на озорство. Ты кормишь, они озорничают. Как думаешь, ребятам еды-то хватило? Мне никогда ещё не приходилось готовить на шестерых. Думаешь, им нужно будет есть три раза в день? Прямо только что приготовленную еду? Может, мне нанять кухарку? Знаешь, мне помнится, миссис Брукман говорила, что её племянница, которая живёт с ней, ищет работу. Я спрошу у неё завтра, когда мы будем у них. Непросто заниматься одновременно и творчеством, и домашним хозяйством!

Я возликовала. Сина неплохо готовит, но всё, что мы едим, такое однообразное. Я прочла множество викторианских английских романов и летом часто лежала в гамаке, листая древние выпуски журнала «Справочник домохозяйки»², подшивку которого нашла в коробке в погребе. Благодаря им кухарка ассоциировалась у меня с большим поместьем и обедами с восемнадцатью переменами блюд, где подавались фазаны, и пудинги, и блюда с загадочными названиями, как,

² *Woman's Home Companion* – женский журнал, издававшийся с 1874 по 1957 г.

например, «пузырь и писк»³. Там каждый обед был целой эпопеей. Идея нанять кухарку мне понравилась; оставалось надеяться, что племянница окажется толстухой, раз уж старухой она быть не могла, будучи всего лишь племянницей миссис Брукман. В викторианских романах кухарки всегда были старыми, толстыми и безобразными и ничем за порогом своей кухни не интересовались. Я уже предвкушала воздушные пироги в форме лебедей, «запеченную Аляску»⁴ и другие полные волшебства блюда. Следом пришла ужасная мысль:

– Но ей же не нужно будет тоже жить с нами?

– Хороший вопрос. Не думаю, что я готова оплачивать ежедневные траты на бензин от «Брукмана» до нас. Она живёт с Брукманами над магазином, наверняка в страшной тесноте. Так что не упустит возможности съехать. У нас же есть хижина для наемных рабочих. Она может жить там.

– Ты только спроси её сначала, умеет ли она готовить, хорошо?

– Уж постараюсь, – ответила Сина.

³ «Пузырь и писк» (bubble and squeak) – так называется традиционный английский завтрак, в котором остатки мяса от вчерашнего обеда подаются с отварными капустой и картофелем. В современном варианте овощи обжаривают, а мяса не добавляют.

⁴ «Запеченная Аляска» – необычный десерт из мороженого на бисквитной подложке, который обмазывают взбитыми с сахаром белками и подрумянивают в духовке.

Когда посуда была вымыта, мы собрались в гостиной, и Сина играла на пианино, а мы все пели – партии из мюзиклов, народные песни, гимны и шлягеры. У Сины были целые кипы нот. Винифред знала немало, так как она пела в хоре. Зебедея барабанил по столешнице двумя карандашами, которые он где-то нашёл. Было это довольно тягостно, пока не пришёл Старый Том и не дал каждому по паре ложек. Старый Том показал им, как играть на ложках, и они играли втроём, пока Зебедии и это не надоело.

– Я хочу пойти посмотреть на Ночной сад ночью, – заявил Зебедея. – Хочу перелезть через ограду и посмотреть, какой он внутри.

Старый Том перестал играть и сжал ложки Зебедии, чтобы утихомирить его на минутку.

– В Ночной сад входить запрещено, – отрезал он. – И чтобы ни один из вас туда не заходил. Никогда!

– Почему? – спросил Зебедея.

– Не твоего ума дело, – сказал Старый Том, положил ложки на стол и, усевшись на кушетку, погрузился в свою газету.

Наступившее неловкое молчание Сина попыталась нарушить бравурным маршем, но было поздно; благостный настрой вечера был испорчен, и скоро все разошлись. Сина зажгла и раздала керосиновые лампы. Обычно Старый Том,

Сина и я подолгу читали в кровати, прежде чем заснуть. Не знаю, что привыкли делать Винифред, Вилфред и Зебедея, но они тоже поднялись в свои комнатки. А я решила дать своей истории про русалку ещё один шанс, прежде чем пойти спать, и поэтому поднялась к себе в купол. С прибытием Мэдденов выделить время днём на работу не удавалось, и мне пришлось подключить вечерние часы.

Несмотря на это, несмотря на гостей, дело спорилось, и вечер вышел вполне обычным.

А затем поднялся крик.

Конвергенция НЛО, кухарки и первых таинственных писем

Я писала за своим столом. Старый Том спустился вниз за стаканом воды. Мэддены были у себя, занятые какими-то своими делами. Судя по звуку, Зебедея прыгал на кровати. Возможно, мы слишком хорошо его кормим, подумалось мне, и тут Сина вылетела из своей комнаты с криками:

– НЛО! НЛО! НЛО!

Мы все рванули вслед за ней вниз по лестнице и наконец остановились на парадном крыльце – она смотрела в небо, поворачиваясь то туда, то сюда и восклицая «НЛО!». Мы тоже запрокинули головы, но не увидели ничего, кроме неба, испещряющих его звёзд и луны.

– Из окна спальни! – задыхаясь, проговорила Сина. – Из окна моей спальни! Я сидела в кровати, читала, а затем раздался шум, и я подняла голову и увидела через окно что-то покрытое огоньками, в основном голубыми огоньками, и оно остановилось прямо напротив моего окна, вот прямо за теми тремя соснами. И замерло. Сначала я подумала, что это, наверное, военные. Военный вертолёт – ну какой ещё аппарат может так зависнуть? И сначала я сидела, всматриваясь сквозь кроны и недоумеая, на кой ляд вертолёту останавливаться у моего окна, а потом вдруг осознала, какая эта шту-

ка огромная. Огромная и абсолютно неподвижная, и я ещё удивилась, почему она увита рождественскими гирляндами. А затем из неподвижного состояния она вдруг рванула со скоростью света. Никогда не видела, чтобы что-то развивало такую скорость. В мгновение ока она исчезла. Да ничто на Земле не может так двигаться – с места и до тысяч миль в час!

– Что такое НЛО? – спросил Зебедея.

– Неопознанный летающий объект, – ответила Винифред.

– Полная чушь, – фыркнул Старый Том. – НЛО не существует.

– И я так думала до сегодняшнего вечера! – взорвалась Сина. – Но нельзя оспаривать то, что ты видел своими собственными глазами! Ты хочешь сказать, что я не видела НЛО?

– Уверен, что ты что-то видела, – проговорил Старый Том, почёсывая подбородок. – Игру света. Вероятно, это был военный вертолёт. Ты говоришь, он был за соснами и ты видела его сквозь ветви. Наверняка это все спутало.

– Не будь остопом! Ни один вертолёт не может лететь с такой скоростью! – возмутилась Сина.

– А шумел он как вертолёт? – уточнил Старый Том.

– Шуметь – шумел... Я же его слышала, потому и оторвалась от книжки. Но не как вертолёт.

– А как он шумел? – спросила я.

– Не знаю, – сказала Сина. – Звук был не такой громкий,

как у вертолёта.

– Давай зайдём в дом и не будем пугать детей, – предложил Старый Том.

– Я не пугаюсь, – ввернул Зебедея.

– И я не боюсь, – поддержал Вилфред.

– Может, это Летун Боб прилетел нас проведать, – продолжал Зебедея.

– Нет, Зебедея. Папа не летает, он просто чинит самолёт, – объяснила Винифред.

– Если бы он захотел, он бы мог, – настаивал Зебедея. – Он мне сам сказал.

– Ну-ка, давайте все пойдём в дом! – велел Старый Том.

Нестройной толпой мы вернулись в дом, даже Сина, которой, я видела, совсем не хотелось. Когда она увидела НЛЮ, я, должно быть, с головой ушла в русалочий рассказ и так барабанила по клавишам, что ничего не видела и не слышала.

– Думаю, нам всем надо лечь спать. Скажи, если марсиане снова станут за тобой подглядывать, – усмехнулся Старый Том.

– Перестань! – огрызнулась Сина. – Я знаю, что я видела. – И вдруг засомневалась. – Извини, что так рывкнула, – добавила она, начиная успокаиваться. – Я знаю, что ты ничего не видел. Но это не отменяет того, что я-то видела.

– Ночью свет бывает обманчив, – примирительно заметил Старый Том. – Я не отрицаю, что ты видела что-то такое. Вопрос что. Это могло быть что угодно.

– Это мог быть Летун Боб, – повторил Зебедея.

– Ой, не смеши мои тапочки, Зебедея! – воскликнула Винифред. – Никакой это был не Летун Боб, и даже не Санта-Клаус.

– Ну и что же это было? – спросил Зебедея.

– Вполне вероятно, мы никогда этого не узнаем, – сказал Старый Том. – Может, Сина задремала и ей что-то приснилось. Сны удивительная вещь. Сина, бывало, даже ходила во сне.

– Я не спала, и ничего мне не приснилось, – отрезала Сина, прошествовала в свою комнату и хлопнула дверью.

Старый Том посмотрел на нас, приподняв брови и картинно закатив глаза, однако наверх не пошёл, а взял свой фонарь и устроился на кушетке читать. Я остановилась в дверях, глядя на него. Хотя он и заявил, что не верит, глаза его то и дело косились на окно.

* * *

Наутро за завтраком все были оживлены. Старый Том приподнял кофейную чашку и, взяв блюдце, выписывал им круги над столом.

– Что это такое? – спросил он Зебедею.

– Не знаю, – сказал Зебедея.

– Летающая тарелка, – ответил Старый Том.

– Ха-ха, – проронила Сина. – Я иду в студию. Франни, по-

зови меня, когда упакуешь яйца, и мы вместе уложим их в грузовик с молоком и отвезём к «Брукману». Я хочу выяснить про кухню, пока мы будем там.

– А можно нам тоже поехать? – подхватила Винифред.

– Ну хорошо, – согласилась Сина. – Но вам придётся ехать сзади вместе канистрами для молока и яйцами.

– Ух ты! – вскричал Зебедея.

– Клёво! – обрадовался Вилфред.

– Ух ты, ух ты, ух ты! – кричал Зебедея.

– Очень-очень клёво! – радовался Вилфред.

– Это ты сейчас так думаешь, – пробормотал себе под нос Старый Том. – Ты картошку когда-нибудь сажал?

– Нет, – помотал головой Вилфред.

– Так я и думал, – обронил Старый Том, и они зашагали в сторону картофельного поля, а мы с Винифред тем временем прибрали кухню.

Поначалу нам было неловко, как бывает, когда остаёшься с кем-то наедине и так волнуешься, что не знаешь, как начать разговор, и оттого тягостно молчишь.

– Ну вот, – булькнула я, когда прошло минут десять и мы перемыли всю посуду, не сказав ни слова друг другу.

– Угу, – выговорила Винифред.

И мы обе немного покраснели.

– Слушай, – начала она, – а Франни – это сокращенное от чего-то?

– Нет, – сказала я, – просто Франни. А тебя кто-нибудь

зовет Винни? А Вилфреда – Вилли или Виллом?

– Нет, – произнесла она вроде как с сожалением. – Папа хотел, но мать сказала, что она не для того мучилась, выбирая нам имена, чтобы звать нас каким-то убогим кратким вариантом. Она говорит, раз начав, к полному имени уже никогда не вернёшься.

– Ну, – задумалась я, – пожалуй, это верно.

– Но ты можешь звать меня Винни, пока мы живём здесь, – щедро предложила Винифред. – Если тебе так больше нравится.

– Мне без разницы, как тебя называть, пока ты здесь живёшь. А на сколько, – осведомила я исподтишка, – как ты думаешь, вы у нас останетесь?

– Не знаю. Мать не говорила. Я знаю, что она боится, что папа отчебучит какую-то глупость, но что именно, она не сказала. Она никогда нам ничего не говорит.

– Неужели тебе не хотелось расспросить её?

– Мать вечно обо всём беспокоится. Ей кажется, что со всеми вокруг вот-вот случится нечто ужасное, но ничего не происходит. Как только она поймёт, что с папой всё в порядке, она вернётся.

– Ну ладно, – сказала я. – Пойдём за яйцами.

И мы побежали в курятник.

Несушки бывают сговорчивые и несговорчивые. Хотя я подсказывала Винифред, как нужно подходить к ним и которая из птиц дебошир, в первый раз, как одна из куриц на-

летела на неё и клюнула, Винифред с криком выскочила из курятника и так и стояла за порогом и голосила. Я подумала, что, должно быть, это её скрытая ревуче-элисовая сторона. Хотя, конечно, у всех у нас бывают проблемы с курами.

– Гадкая, гнусная курица! – восклицала она, немного отдышавшись.

Я хладнокровно взглянула на ту, что напала на неё, и произнесла:

– Сейчас я покажу тебе, что мы делаем с гадкими курицами. – Я подошла к несущке, властно ухватила её за ноги и сунула в клетку, стоящую в углу курятника.

– Это чтобы она людей не клевала? – спросила Винифред, с опаской входя в курятник.

– Вроде того, – ответила я. – Предполагается, что каждую неделю я должна выбрать, какая из кур хуже несётся, и посадить в эту клетку – и вот наш воскресный обед. Но на самом деле я выбираю ту, которая мне особенно досаждаёт.

– Наверное, я не смогу её съесть, – проговорила Винифред. – Это как если бы мы не брали врагов в плен, а ели их.

– Как унюхаешь запах приготовленной Старым Томом воскресной курицы, сразу передумаешь. Но не важно. Давай просветим яйца и сложим их.

Мы с Винифред прошли в пристроенную к курятнику комнатёнку, где стоял овоскоп. После того как я показала как искать кровяные сгустки, поднеся яйцо к овоскопу, Винифред оказалась замечательной помощницей. Она обнару-

жила несколько яиц со зловещими пятнышками, и их мы упаковали отдельно. Эти яйца мы оставляем себе: Сина говорит, что они совершенно съедобны, если только ты не отличаешься чрезмерной брезгливостью. Винифред не разбила ни одного яйца. Потом мы вернулись в дом, чтобы помыть яйца перед отправкой к «Брукману». Винифред хотела переодеться, так как у неё на блузке были пятна крови – там, где её клюнула несущка. Я поднялась за ней следом.

– Я буду в куполе, – сказала я. – Позови меня, как будешь готова.

Мне нужно довольно часто сюда заглядывать. Не для того чтобы писать или искать китов в телескоп, а просто побыть там, где нечто может однажды свершиться, излиться на бумагу. Словно входя сюда, я ощущаю это ожидание осуществления.

– А что там наверху? – оживилась Винифред. – Можно я поднимусь с тобой, а потом пойду переодеваться?

– Прости, нет, туда никому нельзя. Я там пишу.

– А, – протянула Винифред. Она немного подумала, а потом спросила: – Можно мне почитать, когда ты закончишь?

– Ну, до этого дело пока не дошло...

– А откуда ты тогда знаешь, что у тебя получится?

– А я и не знаю. И из-за этого прямо руки опускаются. Но нельзя же не попытаться.

Это напоминало Томову Церковь невозможных дел, но мне не верилось, что это дело такое уж невозможное – иначе

ведь нет смысла биться.

– А почему бы тебе не написать о Синином НЛЮ? – предложила Винифред.

Вот и говори людям, что ты писатель! Они непременно начинают советовать, о чём тебе писать. Как будто они могут быть источником того, о чём ты пишешь! Или ты сама.

– Хм, ты вроде хотела переодеться? – напомнила я.

– Ты больше не хочешь об этом говорить, – сказала она ласково и побежала переодеваться, причем совсем не надулась – а могла бы, если бы не поняла мою сдержанность и решила, что я задираю нос. Наверное, это жизнь с Ревуньей Элис приучила её к людским странностям.

Пока я поднималась по лестнице, меня посетила странная идея. Я написала на клочке бумаге «Церковь невозможных дел» и, придвинув стул, прикрепила его с помощью клейкой ленты к двери, ведущей под купол. После этого мне немножко полегчало, словно я сделала что-то вроде сглаза, только наоборот. Вроде как выпустила пар. Если это было невозможное дело и оно было признано и прославлено как невозможное, может, теперь нечто сумеет всё же пробиться и свершиться.

Я услышала, как Винифред спустилась в холл, и сбежала вниз вслед за ней, и мы вдвоём пошли в студию Сины.

Сина рассматривала статую, которую она слепила. Это была русалка, и весьма миленькая, как мне показалось, но прямо при нас она опрокинула её ударом ноги и стала топтать.

– Проклятие! – выкрикнула она. – Я всё брошу! Просто всё брошу. Я всегда хотела ваять из мрамора. Микеланджело – вот это был гений!

– А почему вы не ваяете? – поинтересовалась Винифред.

– Пробовала. Не получается. Мой материал – глина. А настоящие скульпторы используют мрамор. Например, «Давид» – вот это статуя! Или «Пьета» – прекрасная работа. «Рабы» – гениально. Гениально! Пленники, стремящиеся вырваться из камня. А из моей глины ничто не пытается вырваться. Лежит себе комом. Я всё брошу. И устроюсь работать официанткой. – И она ринулась в дом, чтобы умыться, бросив на ходу: – Грузите машину, девчонки!

– Боженьки! – проговорила Винифред. – А мать говорила, что Сина почти знаменита. Что её статуя стоит у здания Парламента в центре Виктории. Она на самом деле перестанет быть скульптором?

– Сомневаюсь. Она каждый день так говорит. Может, твоя мать и считает её знаменитостью, но Сине не нравится ничего из того, что она завершила. Говорит, её работы – это обманутые ожидания. Даже та, что стоит у Парламента.

– Она живёт в муках творчества, – заметила Винифред.

Надо же, хотя Винифред происходит из нетворческой семьи, она улавливает самую суть. Или просто умеет слушать.

Мы осторожно перенесли ячейки с яйцами и уложили их в кузов грузовика, где уже стояли канистры с молоком. Затем сбегали на картофельное поле за мальчишками. У Вил-

фреда в руках был мешок семенного картофеля, и он старательно трудился бок о бок со Старым Томом. Зебедея бегал взад-вперед по грядкам, раскинув руки и рыча, как мотор, «дрррррррррр».

– Зебедея, хватит играть в самолёт! Нам пора идти, – крикнула Винифред.

– А я бы предпочла, чтобы меня звали Вилл, – сказала я Винифред вполголоса, полагая, что Вилфред меня не услышит.

Но он услышал. Он положил свою тятку и сказал:

– Ты можешь звать меня Вилл, если хочешь.

– Ты-то сам как хочешь, чтобы тебя звали, парень? – спросил Старый Том. – Смотри не позволяй девчонкам собой командовать.

– Да мне всё равно, – пожал плечами Вилфред.

– Вот это по-нашему! – похвалил Старый Том. – Совершенно не важно, как люди тебя кличут. Трудись на своей меже. Веди свою собственную гонку. Иди своей дорогой. – Он решительно мотнул головой и вернулся к посадке картофеля.

– Я и не собиралась командовать им! – крикнула я.

– Я знаю, – отозвался Старый Том.

Но мне стало ясно, что время наделять эту троицу прозвищами прошло. Придётся довольствоваться дивными прозвищами, которыми их наделили родители.

– Дррррр, – гудел Зебедея, прыгая через ограду, окружаю-

щую картофельное поле; руки его были всё ещё расставлены в стороны. – Дрррррр!

– Он одержим полётами, – вздохнула Винифред.

Ребята были заляпаны грязью, но это их абсолютно не смущало.

Мы уселись на лавке, которую Старый Том соорудил в кузове грузовика.

– Осторожно с яйцами, не сядьте на них, – предупредила Винифред.

Затем из дома вышла Сина, одетая в своё «лучшее платье для визитов к «Брукману», и вскочила на водительское место. Она всегда надевала платье и парадную шляпку. Никогда не знаешь, кого встретишь у «Брукмана».

По прибытии мы перенесли яйца и молоко к чёрному входу, чтобы отдать миссис Брукман, затем обошли здание и вошли через парадную дверь. Миссис Брукман рассчиталась с Синой, и та выделила каждому из нас по 5-центовой монетке на плитку шоколада. Последовало долгое разглядывание доступного ассортимента, а тем временем в другом конце комнаты Сина и ещё шесть присутствующих дам сплетничали и пили кофе, вполуха слушая радио. Вдруг Сина завизжала, потянулась к приемнику и прибавила громкость. Передавали местные новости, диктор говорил: «Прошлой ночью жители Виктории заметили в небе быстродвигающиеся голубые огни. Канадский космический институт⁵ просит всех, виде-

⁵ Вероятно, имеется в виду Канадский институт воздухоплавания и космоса

ших вчера голубые огни, немедленно связаться с ним. Представитель Канадского космического института утверждает, что, по их мнению, это был метеор».

– Это же мой метеор! Мой метеор! – кричала Сина, подпрыгивая на месте. – Я его видела! Я видела голубые огни!

– Правда, милочка? – проговорила миссис Брукман. – Ну, тогда вы должны воспользоваться моим телефоном и позвонить в Космический институт.

– Да, вы должны! – закивали остальные дамы. – Это ваш долг.

– Это практически ваш долг патриота, – заявила мисс Мэйси; она жила одна и часто заходила к Брукманам в поисках компании. – Как знать, что ещё придумали злые враги нам на муку? Может, это немецкий или японский метеор!

Сина и миссис Брукман с жалостью посмотрели на мисс Мэйси. Что она слегка тронулась умом, было хорошо известно.

– У метеоров нет национальности. Их в загон не загонишь, милочка, – мягко заметила миссис Брукман. – Метеоры – они, знаешь ли, дикие. Ну, как волки.

– А, понятно, – протянула мисс Мэйси. – Но нам же говорят быть начеку, чтобы не пропустить вражеские подлодки. Полагаю, это и к космосу относится. Берегитесь объектов из

(Canadian Aeronautics and Space Institute), некоммерческая общественная организация, созданная в 1954 г., чтобы способствовать развитию искусства воздухоплавания (прим. пер.).

космоса. Вражеских объектов из космоса.

– Позвоните же, позвоните! – тарахтели дамы, не слушая мисс Мэйси.

Итак, исполненная собственной значимости и даже триумфа, поскольку ей удалось увидеть нечто не просто необычное, но достойное внимания Космического института, Сина среди всеобщего молчания подошла к телефону. Она подняла трубку и набрала номер.

– Алло, – сказала она. – Да, я видела голубые огни. Да, мм, метеор. Да, именно, я видела голубой метеор, о котором сообщили по радио. Миссис Вайткрафт. В Соуке. Ферма Восточный Соук. О, правда?! Зачем? Ну ладно, хорошо, думаю, устроит. В два часа? Так точно. Хорошо. Не за что.

Она повесила трубку и повернулась к нам с улыбкой на лице.

– Они хотят взять у меня интервью! – произнесла она с гордостью.

– Ну надо же! – воскликнула одна из дам. – Вероятно, вы станете частью исследовательского проекта.

– Наверняка ваше имя войдёт в историю! – вскричала мисс Мэйси, которая всегда заходила слишком далеко.

– А если и нет, вы будете знать, что выполнили свой долг, – сказала миссис Брукман.

– Ну почему же я не вижу никаких метеоров?! – воскликнула мисс Мэйси.

– Какой же это метеор, если он просто висел у вас за ок-

ном? – поинтересовалась Винифред, но на неё никто не обратил внимания. На детей никогда не обращают внимания, если в помещении есть взрослые. И это одно из преимуществ детства. Это как шапка-невидимка. Я знаю, что буду об этом сожалеть, когда стану взрослой, ответственной и меня станут принимать всерьёз.

– Мне надо спешить домой, – Сина уже начала суетиться от волнения. – Нужно вытереть пыль в гостиной и испечь печенье к чаю или ещё что-нибудь – вдруг человек из Космического института на это рассчитывает. Пропасть! Я не умею печь печенье! Миссис Брукман, я совсем забыла – хотела вас спросить: эта ваша племянница все ещё здесь?

Миссис Брукман поджала губы и кивнула.

– Я хотела спросить, нельзя ли мне одолжить её у вас на время, пока ребята Мэдденов живут с нами? Мне нужна кухарка. Я готова заплатить. Она умеет готовить, эта ваша племянница?

– О да! – вскричала миссис Брукман. – Пальчики оближешь. Глэдис, иди-ка сюда!

Глэдис, судя по всему, ошивалась в подсобке, потому что она появилась в занавешенном дверном проёме в то же мгновение. У меня она доверия не вызвала. Прежде всего, как я уже говорила, в книгах кухарки всегда были женщины в возрасте, а она оказалась неприлично юной. И она была не толстухой, как полагается, а стройной блондинкой с облаком кудряшек и обилием косметики. Столько краски на лице

женщины в наших краях не носили. Одета она была неряшливо, зато по последней моде. Это у нас тоже не часто встретишь. Мы-то, школьницы, были в курсе модных веяний и менялись картинками из каталогов одежды и прочего, что попадало к нам в руки, но никто из тех, кого мы знали – ни учительницы, ни мамы, ни дамы у «Брукмана», привыкшие за время войны еле-еле сводить концы с концами, – не носил модной одежды. И вот наконец девушка в модном платье – да девчонки всё б отдали за такое! – и она его совсем не бережёт. Если бы нам, девочкам, посчастливилось обладать таким платьем, у нас бы оно было выстирано и выглажено, висело бы как с иголочки в шкафу и надевалось бы только по особым случаям. В том, как небрежно обращалась с ним Глэдис, было что-то нехорошее. Да и в самой Глэдис было что-то не то. С первого взгляда было видно. И она была неряхой. Под ногтями у неё была недельная, не меньше, грязь, и волосы выглядели так, словно их давно не причесывали, а на затылке торчал колтун. В общем, я бы её к готовке не подпустила.

– Глэдис, это миссис Вайткрафт, она хочет предложить тебе работу.

– Она ошиблась, – проронила Глэдис, развернулась и пошла обратно к занавешенному проёму. – Я не ищу работы.

– А ну-ка, вернись, Глэдис. Сегодня тебе повезло. Ты не искала работы, хм, работу... но работа нашла тебя. Миссис Вайткрафт нужна кухарка. Ты умеешь готовить.

– Нет, не умею, – сказала Глэдис.

– Нет, умеешь. Я же видела, – возразила миссис Брукман.

– Ты будешь жить у нас на ферме, конечно. На время. Это временная работа. У тебя будет своя хижина. Она вполне приличная, – закончила Сина туманно, и в её голос закрадось сомнение.

– И сортир на улице, – приободрил её Зебедея, – с летучими мышами.

Зебедея был покорён нашим сортиром. К счастью, на него по-прежнему не обращали внимания.

– Ну, даже не знаю. Мне и здесь хорошо, – упрямылась Глэдис. – Не уверена, что работа на кухне впишется в мое расписание.

Последнюю фразу Глэдис чванно протянула, думая поставить нас на место, но прозвучало это так, будто она играла в третьесортном спектакле.

– Ерунда, – припечатала миссис Брукман. – Твоя мать послала тебя сюда, чтобы расширить твой кругозор. Вот и, хм, расширяй. Отправляйся готовить.

– Это так познавательно, – мечтательно проворковала мисс Мэйси. Мисс Мэйси могла восторгаться чем угодно, поскольку факты и реальность проходили мимо неё. – Какие я повидала рагу! А чили! Небольшой совет, милочка, – с этими словами она доверительно вцепилась в руку Глэдис, и та в испуге попятилась к противоположной стене. – Хлеб – всему голова!

– Мамочки, не подпускайте её ко мне! – завопила Глэдис, которая, хоть и напускала на себя важность, не знала хороших манер.

– Ну-ка, беги и собери свои вещи! Ты можешь приступить немедленно. Всё для фронта, всё для победы. – Миссис Брукман обхватила Глэдис за плечи и только что не пихала её в сторону жилых комнат.

– Не понимаю, чем готовка на каких-то фермеров может помочь фронту, – заявила Глэдис.

– Фермеры – это хребет нации, – объявила мисс Мэйси. – Они выращивают пищу для наших мальчиков по ту сторону океана. – Желая подчеркнуть сказанное, мисс Мэйси вытянулась в струнку и щелкнула каблуками, но эффект был смазан тем, что она носила ортопедические туфли. Поскольку она отдала честь, все были вынуждены повторить её жест. Это навело меня на мысль.

– Да ведь на нашей земле живут военные, – напомнила я. Конечно же, меня никто не услышал, но мои слова каким-то образом пробились сквозь взрослое сознание Сины, потому что она сказала:

– Ты не поверишь, но на нашей земле располагаются казармы для солдат. Они запросто ходят повсюду.

– Пойду соберу сумки, – тут же переменила решение Глэдис. Она развернулась, прошла сквозь занавешенную дверь и вверх по лестнице за своими вещами. Через минуту она появилась на высоченных каблуках, которые на ферме про-

держались бы примерно две секунды, а сзади на икрах у неё были нарисованы линии, изображающие шов – такие рисовали девушки, которые не могли позволить себе нейлоновые чулки. Только у Глэдис они были вихлястые и плохо прорисованные, так что казалось, что её чулки сползли и ей нужно их подтянуть. Мне предстояло узнать, что это было полностью в характере Глэдис и проявлялось во всём, от внешности до стряпни: всё делалось абы как, словно она могла бы и получше, да поленилась. Она волокла тяжёлый чемодан.

– Надеюсь, мне не нужно будет вам повторять, что мои обязанности не могут быть слишком утомительными, – заявила она Сине по пути к машине, снова разыгрывая из себя важную фифу. – Мне требуется время на настройку моих вибраций.

Глэдис влезла в кабину грузовика и водрузилась на перевернутый бидон из-под молока, который служил у нас пассажирским сиденьем, а Винифред, Вилфред, Зебедия и я забрались в кузов.

– Настройку чего? – переспросила Сина.

– Моих мистических вибраций! Я же медиум! – воскликнула она.

Глэдис отбросила свой покровительственный тон, но теперь каждая её фраза заканчивалась на высокой протяжной ноте. Я невольно расставляла восклицательные знаки – очень хотелось дать ей урок декламации, – и, уверена, Сина боролась с тем же желанием. Но, конечно, совершить подоб-

ную бестактность мы не могли.

– Я хочу сделать это делом своей жизни! Ну, знаете, там, предсказания, кофейная гуща, чтение ауры! Сейчас я изучаю магические кристаллы. С магическими кристаллами у меня ловко получается.

– Неужели? – процедила Сина. – Вера во что-то очень поддерживает, верно? У Старого Тома была тётка, она верила в лепреконов. А в Исландии люди верят в эльфов. Должно быть, они находят отраду в этой туфте. На повороте держись за ручку двери, этот бидон не особо устойчив.

Сина завела грузовик.

– А мою судьбу ты можешь прочесть? – крикнул Зебе-дия.

– Да, конечно, – кивнула Глэдис. – У тебя очень сильная аура. Четвертак у тебя есть?

– У меня нет денег, – сказал Зебе-дия.

– Чувствую, силы мои иссякают, – отчеканила Глэдис.

Мы уже отъезжали, как вдруг выбежала миссис Брукман:

– Милочка, я чуть не забыла вашу почту! – Она метнулась к водительскому окну, протянула Сине стопку писем, и мы поехали домой.

По приезде на ферму Сина помогла Глэдис обустроить хижину, а затем попыталась уговорить её приготовить печенье к чаю, но Глэдис ответила, что её дар предвидения говорит ей, что сегодня неблагоприятный день для выпечки.

– Полная чепуха! – возмутилась Сина. – Делай что велено.

– Ладненько, – пробурчала Глэдис, вставая с кровати, на которую она повалилась в обнимку с модным журналом из числа тех, что взяла с собой. – Но я снимаю с себя всякую ответственность за то, что получится в результате.

– Можно нам посмотреть твои журналы, пока ты печёшь? – попросили мы с Винифред, но Глэдис зыркнула на нас и заперла дверь хижины ключом, который дала ей Сина.

– Не очень-то она дружелюбная, – шепнула Винифред.

Сина провела Глэдис на кухню. Вилфред опять ушёл: помогать Старому Тому сажать зелёный горошек, салат латук, морковь, свеклу и турецкие бобы. Винифред и я без дела крутились возле Сины, так как не хотели пропустить прихода человека из Космического института. Сина обосновалась в гостиной и разбирала письма, и вдруг она подняла голову и выдохнула «Ох». Миссис Брукман отдала ей почту миссис Мэдден до её возвращения. Сина взяла письмо из мэдденовской стопки и протянула Зебедии.

– Это тебе, – сказала она. – А теперь кыш! Мне нужно заплатить по счетам, и, если вы будете мешаться, я суну чеки не в те конверты. Я так уже делала, и чтобы всё распутать, уходит целая вечность.

– Но ты нас позовешь, когда придёт человек из космоса? – спросил Зебедия.

– Конечно. Ну а теперь кыш! – отозвалась Сина, но вместо того, чтобы заняться чеками, стала нервно прибираться и приводить в порядок гостиную.

Мы вышли и сели на ступеньках веранды.

– Эй, от кого это? – Винифред попыталась выхватить письмо из рук Зебедии, чтобы посмотреть, но тот прижал письмо к груди.

– Пусти, это моё! – закричал он.

– Ну так открой его, – велела Винифред.

– Нет, – отказался Зебедия.

– Ты что же, не хочешь узнать, от кого оно? – удивилась Винифред.

– Я и так знаю. Но это секрет. Я дал клятву хранить молчание.

– Ерунда, – махнула рукой Винифред. – Ты просто напускаешь на себя важность. Лучше дай мне, я прочитаю. Там могут быть сложные слова.

– Он обещал, что не будет, – сказал Зебедия.

– Кто обещал? Это от папы?! – возмутилась Винифред. – Он пишет тебе, а не нам?!

– Не твоё дело, – отрезал Зебедия и, прежде чем Винифред успела встать и попытаться отнять письмо, вскочил и учесал в лес.

– Ну и пусть бежит, – вздохнула Винифред.

Глядя, как он убегает, я поняла, что у нас нет выбора. Вроде шпингалет с коротенькими ножками, а бегаёт как ветер, и прежде чем мы успели опомниться, он был уже на краю поля и исчез в лесу.

– А ты уверена, что он не заблудится? – спросила я. – Мо-

жет, он и хорошо ориентируется, но лес-то большой.

– Да фиолетово. Мне иногда кажется, что у него компас в голове, – отмахнулась Винифред. – И бесполезно пытаться отобрать у него что-то, если он сам не отдаёт. Он жутко упрямый. Мать говорит, это у него от папы. Ему без толку говорить, что делать, а чего не делать. И вообще, я как-нибудь ночью прокрадусь к нему в спальню и прочитаю письмо. Папка, наверное, прислал ему рисунки самолётов или ещё что. Они оба с ума сходят по самолётам. Они оба с ума сходят! – И она захихикала своей собственной шутке, но осеклась, увидев, что к дому на всех парах подлетел автомобиль. Когда он затормозил, мы разглядели за рулем невысокого импозантного мужчину; на голове у него была фетровая шляпа, а из карманов торчали карандаши и разные инструменты.

– Это, наверное... – проговорила Винифред.

Я смотрела на него затаив дыхание:

– ...человек из Космического института.

Человек из Космического института

– Сина! – завопила я, вбегая в дом, – Это человек из Космического института, он здесь!

– Он приехал на два часа раньше, – сварливо сказала Сина, появляясь на пороге гостиной.

Мы пошли на кухню посмотреть, как там печенье, но Глэдис сидела на кухонном столе, напевая обрывки бибопа⁶

⁶ *Бибоп* – джазовое направление начала 1940-х гг., отличавшееся высоким темпом и сложными импровизациями, основанными на обыгрывании гармонии (прим. пер.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.